

А. П. КАЖДАН

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ X в.

3. „КНИГА ЦАРЕЙ“ И „ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВАСИЛИЯ“

Как и хроника Продолжателя Феофана, «Книга царей» Генесия сохранилась в единственном списке: она составляет четвертый раздел лейпцигской рукописи № 16 (Lips. 16, f. 248—285)¹. Рукопись, подробно описанная Г. Вешке, была датирована им по палеографическим данным XII столетием², однако В. Гардтхаузен в кратком описании греческих манускриптов Библиотеки Лейпцигского университета отнес ее к XI в.³ Рукопись не имеет надписания; только в верхней части л. 248 над позднейшей латинской надписью (Scriptor Historiae Byzantinae a temporibus Leonis Armenii ad excessum Basilio Macedonis conditor) сделана заметка: ΓΕΝΕΣΙΟΥ. Первая часть рукописи открывается словами: περί τοῦ ἐξ Ἀραλῆς Λέοντος, за которыми следует посвящение императору и краткое введение (о чем, в частности, свидетельствует пометка на полях: προοίμιον, принадлежавшая тому же писцу⁴), и завершается на л. 255 небольшой концовкой. Далее следует заголовок второй части: βασιλείων β': πε(ρι) τοῦ ἐξ Ἀραρίου Μιχαήλ. Вторая часть оканчивается на л. 260 b, где нет ни концовки, ни заголовка третьей части — только на полях, в нижнем левом углу, имеется пометка: πε(ρι) Θεοφίλου υἱοῦ Μιχαήλ. Точно так же на л. 269 b, где завершается третья часть, нет ни концовки, ни нового заголовка, но лишь пометка на полях: πε(ρι) Μιχα(ήλ) υἱοῦ Θεοφ(ι)λ(ου)⁵.

Аналогичную пометку мы могли бы ожидать при переходе от л. 279 b к л. 280, где начинается рассказ о царствовании Василия I; она отсутствует по небрежности писца, объясняющейся в какой-то мере тем, что первая фраза последней (пятой) части рукописи начинается на нижней строке листа. Можно обратить внимание также и на то обстоятельство, что пометки-заголовки ставятся к концу ру-

¹ Благодаря любезности Библиотеки Лейпцигского университета и профессора этого университета доктора Э. Вернера мы имели возможность пользоваться микрофильмом с рукописи Генесия. Считаю своим приятным долгом поблагодарить проф. Э. Вернера и сотрудников Библиотеки Лейпцигского университета.

² G. Wäsche. Genesios. «Philologus», Bd. 37, 1878, S. 259; ср. Ф. Штейнман. Вопрос о личности автора «Книги царей» Генесия. ВВ, XXI, 1914, стр. 18; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 318.

³ V. Gardthausen. Die griechischen Handschriften. «Katalog der Handschriften der Universitäts-Bibliothek zu Leipzig», Bd. III. Leipzig, 1898, S. 19. М. Колонна (M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. Napoli, 1956, p. 48) датировала рукопись Генесия XI—XII вв.

⁴ См. Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 21.

⁵ Г. Вешке (G. Wäsche. Op. cit., S. 257 f.) ошибочно указывает, что последние две надписи (подобно первым двум) сделаны над соответствующими частями; на самом деле они сделаны на полях почерком, отличным от руки основного писца.

кописи все менее аккуратными: исчезает концовка, исчезает название сочинения (*Βασιλεια*) и номер части, заголовок переносится на поля, вводится все больше сокращений, пока, наконец, не исчезает и самая пометка⁶. Как бы то ни было, мы вправе считать, что рукопись Генесия состояла из пяти, а не из четырех книг, на которые она разделена издателем.

Рукопись Генесия содержит большое количество пометок на полях и после основного текста (л. 285—285 b), детально обследованных Г. Вешке и Ф. Штейнманом⁷. Мы остановимся лишь на одной из них. На л. 268 наверху имеется пометка, точно датирующая рождение Михаила III; она была ошибочно расшифрована Г. Вешке, отнесшим это событие к 6 января 839 г. Ф. Штейнман исправил чтение немецкого ученого и отнес в соответствии со своей расшифровкой рождение Михаила III к 9 января 840 г.⁸ Эта пометка в какой-то мере соответствовала свидетельству Продолжателя Феофана о том, что в момент смерти Феофила (20 января 842 г.) Михаилу шел третий год⁹. Не учитывая пометки на рукописи Генесия, Э. Штейн пришел к выводу, что рождение Михаила III должно быть отнесено к более раннему времени, примерно к 836 г.¹⁰ Однако хорошо согласующиеся между собой свидетельства Продолжателя Феофана и автора нашей пометки не могут быть так просто отвергнуты: судя по подробности приведенных в пометке данных, она восходила к осведомленному источнику, из которого, быть может, черпал и Продолжатель Феофана.

Рассмотрим поэтому еще раз источники, использованные Э. Штейном для передатировки рождения Михаила III. Эти источники — «Житие императрицы Феодоры» и три салернские грамоты, датированные годами правления Михаила. Действительно, в «Житии Феодоры» сказано, что в момент смерти отца Михаилу было пять с половиной лет¹¹; это позволило Э. Штейну считать датой рождения Михаила 836 г. Салернские грамоты, относящиеся к 824—845 гг. и датированные индиктом и годами правления Михаила, позволяют относить его провозглашение соимператором к 838 г.¹² Однако возникает вопрос, в какой мере эти источники достоверны.

Еще издатель «Жития Феодоры» В. Регель обратил внимание на неточность приводимых в этом памятнике хронологических данных¹³:

⁶ Соблазнительная гипотеза, будто отсутствие надписи над пятой частью объясняется потерей каких-то листов между л. 279 b и л. 280, справедливо отвергается Г. Вешке (G. Wäschke. *Op. cit.*, S. 257 f.).

⁷ *Ibid.*, S. 259 f.; Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 20 сл.

⁸ Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 22 и сл.

⁹ *Theophanes Continuatus*, ed. I. Becker. *Bonnae*, 1838 (далее — Th. C.), p. 148.8. Традиционная дата рождения Михаила III — 839 г. См. G. Ostrogorsky, E. Stein. *Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches. Byz., VII*, 1932, p. 228.

¹⁰ E. Stein. *Post-consulat et αυτοκρατορία*. «Annuaire de l'institut de philologie et histoire orientales et slaves», vol. 2, 1934, p. 899, n. 2; ср. G. Ostrogorsky. *History of the Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 194, n. 1. С. Маслев («О некоторых вопросах, связанных с византийскими памятными монетами». ВВ, XVIII, 1961, стр. 252, прим. 86) полагает, что Михаил III родился в 837—838 гг.

¹¹ *Analecta byzantino-russica*, ed. W. Regel. *Petropoli*, 1891 [см. *Bibliotheca hagiographica graeca*. Bruxelles, 1957 (далее — ВHG), t. II, № 173], p. 11.10; ср. *ibid.*, p. 12.7.

¹² *Codes diplomaticus Cavensis*, vol. I. *Neapoli*, 1873, № 21, 22, 25. Первые две грамоты датированы пятым годом его правления (*imperii eius*) и, соответственно, сентябрем и апрелем VI индикта, т. е. 842 и 843 гг.; третья грамота — апрелем VIII индикта, т. е. 845 г., и седьмым годом правления Михаила III.

¹³ *Analecta...*, p. XVII sq.

в частности, по расчетам агиографа, Михаил III правил после ссылки Феодоры 14 лет единодержавно¹⁴, тогда как на самом деле этот период продолжался с 856 по 867 г., т. е. не более 12 лет. То же самое приходится сказать и о грамотах салернской канцелярии, которые Э. Штейн, к сожалению, не подверг всестороннему анализу: расчеты числа лет византийских императоров в салернских грамотах нередко противоречат друг другу и не соответствуют действительности. Известно, например, что коронация Константина VII состоялась 9 июня 911 г.¹⁵, однако салернские писцы рассчитывают годы его правления (*imperii eius*) сперва с 907 г.¹⁶, затем — с 908 г.¹⁷ и, наконец, с 912 г.¹⁸ Не менее путаны расчеты лет правления Василия II (*imperii domni Basili*): за начало принимают и 960 г.¹⁹, и 959 г.²⁰, и 957 г.²¹, и 956 г.²², и даже 952 г.²³, хотя Василий II родился в 958 г. и был коронован 22 апреля 960 г.²⁴ Таким образом, у нас нет оснований доверять хронологии салернской канцелярии и отвергать на этом основании дату рождения Михаила III, приведенную в хронике Продолжателя Феофана и подтверждаемую пометкой на рукописи Генесия.

В библиотеке Афонской лавры хранится другая рукопись Генесия, датированная 1791 г. и представляющая собой, по-видимому, список с первого печатного издания²⁵.

Впервые сочинение Генесия было издано в венецианском корпусе с примечаниями Стефана Берглера²⁶, а затем переиздано К. Лахманом на основании новой копияции лейпцигской рукописи²⁷. Однако издание К. Лахмана было выполнено недостаточно аккуратно²⁸; ряд исследователей, занимавшихся критическим изучением текста Генесия, предложил к нему многочисленные конъектуры²⁹. Ученица А. Гейзенберга Анни Вернер (ныне А. Лесмюллер) объявила в 1931 г. о том, что она подготовила новое (критическое) издание «Книги царей»³⁰, однако это издание так и не увидело света.

¹⁴ Ibid., p. 15.11.

¹⁵ G. Ostrogorsky, E. Stein. Die Krönungsordnungen..., S. 197.

¹⁶ Codex diplomaticus Cavensis, vol. I, № 126, 127.

¹⁷ Ibid., № 142, 178.

¹⁸ Ibid., № 200; грамота датирована ноябрем 958 г. и 46 годом *imperii domni Constantini*.

¹⁹ Ibid., vol. II, № 250.

²⁰ Ibid., vol. II, № 229; vol. IV, № 650; vol. V, № 718, 774.

²¹ Ibid., vol. II, № 407; vol. IV, № 640, 649, 659, 691, 697.

²² Ibid., vol. IV, № 626, 668, 679.

²³ Ibid., vol. IV, № 648: грамота датирована 60 годом правления Василия II и X индиктом, т. е. 1012 г.

²⁴ G. Ostrogorsky, E. Stein. Die Krönungsordnungen..., S. 198; ср. G. Ostrogorsky. History..., p. 264, n. 3. Для соправителя Василия II, Константина VIII, в одной грамоте 965 г. оказывается шестым годом правления (*Codex diplomaticus Cavensis*, vol. II, № 229), а в другой 967 г. — четвертым (*ibid.*, № 250)!

²⁵ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 318

²⁶ Iosephi Genesisii De Rebus Constantinopolitanis. Venetiis, 1733. Об истории этой публикации см. Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 18 сл.

²⁷ Genesisius, rec. C. Lachmann. Bonnae, 1834 (далее — Gen.).

²⁸ См. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 265.

²⁹ C. Kumaniecki. Quelques remarques critiques sur Genesisius. Byz., VIII, 1933, p. 551 sq.; H. Grégoire. Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancyre. Byz. V, 1929/30, p. 346, и особенно: A. Wernier. Die Syntax des einfachen Satzes bei Genesisios. BZ, Bd. 31, 1931 (в подстрочных примечаниях).

³⁰ A. Wernier. Die Syntax..., S. 259, A. 3; S. 260, A. 1. В распоряжении А. Вернер находился также рукописный экземпляр текста Генесия, подготовленный Г. Вешке и содержащий также (на полях) текстологические пометки И. Буха.

Сочинение Генесия охватывает время правления Льва V Армянина, Михаила II, Феофила, Михаила III и Василия I, т. е. 813—886 гг. По словам автора, «Книга царей» была написана по приказанию императора Константина, которому она и посвящена. Следовательно, сочинение Генесия должно быть датировано периодом второго (самостоятельного) правления Константина VII Багрянородного (945—959); эта датировка подкрепляется наблюдением Ф. Гирша, пришедшего к выводу, что «Книга царей» была завершена до отвоевания Крита византийцами в 961 г.³¹

По своему языку и стилю «Книга царей» может быть рассмотрена как произведение переходное, промежуточное между хронографией VIII—IX столетий, опирающейся преимущественно на церковную традицию, и неоклассицизмом X в. Генесий стремился к возрождению аттицизма, но не умел сплось да рядом, по мнению А. Вернер, освободиться от вульгарных конструкций³². Его начитанность невелика: кроме библии и Гомера, он использует, по-видимому, лишь Гесиода³³, Нонна³⁴ и античных географов³⁵ — скорее всего, из вторых рук. Метафоры у Генесия редки и вполне традиционны — он не создает новых образов, а пользуется привычными и общеизвестными³⁶.

Об авторе «Книги царей» мы знаем очень мало. Ф. Гирш пытался воссоздать жизненный путь Иосифа Генесия, изображая его представителем знати и сыном вельможи Константина, армянина по происхождению, современника Михаила III³⁷. Однако эти построения произвольны: в настоящее время не только не представляется возможным восстановить реальные черты биографии Генесия, но и самое авторство Генесия подвергнуто сомнению. Дело в том, что надпись *Γενεσιου* в верхней части л. 248 лейпцигской рукописи выполнена другими чернилами и другой рукой, нежели основной текст: по мнению Ф. Штейнмана, «Книгу царей» следует считать анонимным произведением³⁸. Да и название «Книга царей» (*Βασιλεα*), как мы видели, тоже условно, ибо дано не в надписании, а лишь в заголовке II части.

Как бы то ни было, можно смело утверждать, что автор «Книги царей», которого мы условно будем по-прежнему называть Генесием,

³¹ F. Hirsch. *Byzantinische Studien*. Leipzig, 1876, S. 122.

³² A. Werner. *Die Syntax...*, S. 260.

³³ S. Linnér. *Sprachliches und Stylistisches zu Genesios*. «Eranos», Bd. 44, 1946, S. 206.

³⁴ A. Diller. *Nonnus Dionysiaca in Genesios Regna*. «Classical philology», vol. 46, 1951, № 3, p. 176 f.

³⁵ A. Diller. *Excerpts from Strabo and Stephanus in Byzantine chronicles*. «Transactions and Proceedings of the American Philol. Associat.», vol. 81, 1950, p. 246 f.

³⁶ A. Werner. *Die Syntax...*, S. 260 f. Пренебрежительную оценку языка Генесия дал (с позиций классика) Г. Бернарди в рецензии на издание К. Лахмана (W. Bernhardt). «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», 1836, № 58, Sp. 463 f.).

³⁷ F. Hirsch. *Op. cit.*, S. 117 f. Ср. И. И. Малышевский. Логофет Феоктист, покровитель Константина Философа. «Труды Киевской духовной академии», т. 28, 1887, № 2, стр. 276, прим. 4; стр. 280. К. де Боор считал, что историк Генесий был внуком вельможи Константина (см. C. de Boor. *Zu Genesios*. BZ, Bd. 10, 1901, S. 62 f.). Возражения против гипотезы Ф. Гирша были высказаны уже Г. Вешке (H. Wäschke. *Op. cit.*, S. 268 f.).

³⁸ Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 43 сл. Не учитывая критических замечаний Ф. Штейнмана, итальянская исследовательница М. Э. Колонна безоговорочно называет Иосифа Генесия сыном Константина, великого логофета (sic!) при Михаиле III (*op. cit.*, p. 48); более осторожен Д. Моравчик, который говорит лишь, что Генесий происходил «из знатной семьи» (Su. *Mogavcsik*. *Byzantinoturcica*, Bd. I, S. 318), но и он видит в Генесии бесспорного автора «Книги царей».

принадлежал к непосредственному окружению Константина VII в угоду своему покровителю он написал тенденциозное сочинение, где постарался обрисовать в самом неприглядном облике предшественников Македонской династии³⁹. Следовательно, по своей политической направленности «Книга царей» совпадала с двумя первыми частями хроники Продолжателя Феофана, посвященными тому же периоду византийской истории. Возникает вопрос о соотношении между обоими источниками.

Уже Э. Муральт выдвинул предположение, что Генесий послужил источником хроники Продолжателя Феофана⁴⁰; эта мысль была подробно развита Ф. Гиршем, который, признавая Генесия некритичным и тенденциозным автором⁴¹, все же видел в «Книге царей» источник Продолжателя Феофана, в частности второго раздела этой хроники — «Жизнеописания Василия». Солидно аргументированная книга немецкого исследователя надолго определила взгляды ученых на византийскую хронографию X в. В частности, получила широкое распространение и теория Ф. Гирша о зависимости Продолжателя Феофана от Генесия⁴².

Представление о примате Генесия в описании исторических событий IX в. обязано в значительной степени его собственным утверждениям в предисловии к «Книге царей», ибо он обещает рассказывать о событиях, «еще не отраженных в исторических сочинениях» (Gen., p. 44), пользуясь свидетельствами очевидцев и народной молвой (Gen., p. 38). Это утверждение Генесия продолжало долгое время оказывать влияние на умы историков, несмотря на то, что оно давно было подвергнуто сомнению: уже А. Рамбо и Ф. Гирш предполагали, что Генесий пользовался не только устными, но и письменными источниками⁴³.

Другим основанием, приведшим Ф. Гирша к выводу о зависимости Продолжателя Феофана от Генесия, была предположенная этим ученым датировка хроники Продолжателя Феофана: по мнению Ф. Гирша, первая часть этой хроники возникла не раньше чем в правление Никифора Фоки, т. е. уже после смерти Константина VII, которому Гене-

³⁹ См. например, N. Jorga. Médaillons d'histoire byzantine. Byz., II, 1925, p. 261 sq.

⁴⁰ E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine. St. Pbg., 1855, p. XXIII. Достоверным источником считал Генесия и И. Гергенрөтер (J. Hergenröter. Photius, Patriarch von Konstantinopel, Bd. I. Regensburg, 1867, S. 599).

⁴¹ F. Hirsch. Op. cit., S. 172.

⁴² K. Krumbacher. Geschichte..., S. 265 (ср. русский перевод: «Очерки по истории Византии». Под ред. В. Н. Бенешевича, вып. III. СПб., 1913, стр. 33); В. Г. Васильевский. В защиту подлинности жития патриарха Игнатия и принадлежности его современному автору, Никите Пафлагону. ВВ, VI, 1899, стр. 50; А. А. Васильев. Византия и арабы [ч. II]. СПб., 1902, стр. 29, прим. 3; C. de Boor. Ein falscher Bischof. BZ, Bd. 13, 1904, S. 433 f.; J. B. Burg. The treatise De administrando imperio. BZ, Bd. 15, 1906, p. 571; A. Vogt. Basile Ier, empereur de Byzance. Paris, 1908, p. XIII sq.; Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 15; J. Gouillard. Deux figures mal connues du second iconoclasme. Byz., XXXI, 1961, p. 373.

⁴³ A. R m b a u d. L'empire grec au Xe siècle. Paris, 1870, p. 116; F. Hirsch. Op. cit., S. 172. Ср. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 318. По мнению Ф. Баршича, главным источником Генесия во второй части «Книги царей», посвященной Михаилу II, было сочинение Сергея Исповедника (см. Photius. Bibliothèque, t. I. Paris, 1959, p. 99.30—44. Ср. Ф. Баршич. Две версии у изворима о устанку Томи. ЗРВИ, кн. 6, 1960, стр. 150). Гораздо более крупный, нежели Генесий, византийский историк Никита Хониат также утверждал, что он не пользовался письменными источниками; однако, вопреки этим словам, факт воздействия на него «Истории» Иоанна Киннама не может в настоящее время вызывать сомнения. См. V. Grecu. Nicetas Choniates a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos? RFB, vol. 7, 1950, p. 199 sq.

сий посвятил свой труд. Однако датировка Ф. Гирша оказалась ошибочной: император Никифор, упомянутый в хронике Продолжателя Феофана, это не Никифор II, а правивший в начале IX в. Никифор I⁴⁴, следовательно, и составление этой хроники может быть отнесено к более раннему времени.

Таким образом, внешние соображения, выдвинутые Ф. Гиршем, не являются убедительными; однако Ф. Гирш установил факт кардинальной важности — близость «Книги царей» к хронике Продолжателя Феофана. Но к этому вопросу мы вернемся несколько позже.

Переворот в представлениях о соотношении «Книги царей» и хроники Продолжателя Феофана произошел около 1930 г. В статье «Михаил III и Василий Македонянин в анкирских надписях» А. Грегуар писал (еще в духе традиционных представлений), что для царствования Михаила III Генесий пользовался преимущественно устными известиями; «его отец или дед Константин был друнгарием виглы при этом императоре; Продолжатель Феофана использовал, помимо других источников и, возможно, устной информации, также и Генесия»⁴⁵. Но уже в добавлении к этой статье А. Грегуара мы находим следующее заявление: «Мадемуазель Анни Вернер, доктор философии, одна из лучших учениц А. Гейзенберга, намеревается показать, насколько сомнительно отнесение к Генесию хроники, носящей его имя (работа Ф. Штейнмана, видимо, осталась А. Грегуару неизвестной. — А. К.). Она не считает доказанным, что Продолжатель Феофана использовал Генесия, и допускает возможным даже обратное соотношение между ними»⁴⁶. Некоторое время спустя А. Грегуар, вновь ссылаясь на А. Вернер, писал, что Генесий и Продолжатель Феофана опирались на общий источник, а именно на не дошедшую до нас хронику, воспроизводя ее текст каждый по-своему.

К этой хронике, составленной, «без сомнения», в начале X в., относятся также некоторые исторические пассажи эпоса о Дигенисе, и в частности описание битвы 863 г.⁴⁷

Еще через два года А. Грегуар снова вернулся к вопросу о соотношении Генесия и Продолжателя Феофана. Называя старую теорию (которой он так недавно и сам еще отдавал дань) «столь же абсурдной, сколь и распространенной», А. Грегуар ссылаясь на неопубликованные работы мадемуазель Мишо (Michaux), которая должна показать, что Генесий и Продолжатель Феофана опирались на общий источник⁴⁸. Он считал, что этот источник представлял собой нагромождение разнородных фактов — как реальных, так и легендарных; в частности, этот источник использовал легенду о византийском полководце Мануиле⁴⁹.

Работы А. Вернер и мадемуазель Мишо так и остались неопубликованными; последовательный пересмотр соотношения обоих текстов до сих пор еще не проделан. Все, что мы имеем взамен систематического анализа Ф. Гирша, поддержанного такими авторитетами, как К. Крумбахер, В. Г. Васильевский и К. де Боор, — это программные утверждения А. Грегуара, на основании которых новая точка зрения (изложен-

⁴⁴ E. W. Brooks. On the date of the first four books of the Continuator of Theophanes. *BZ*, Bd. 10, 1901, p. 416 f.

⁴⁵ H. Grégoire. Michel III et Basile le Macédonien. . . , p. 335.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 346.

⁴⁷ H. Grégoire. Autour de Digénis Akritas. *Byz.*, VII, 1932, p. 289 sq.

⁴⁸ H. Grégoire. Manuel et Théophobe. *Byz.*, IX, 1934, p. 185, n. 1. Мадемуазель Мишо умерла, не завершив своего исследования.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 202.

ная им, как мы можем убедиться из приведенных выше цитат, несколько непоследовательно) получила права гражданства⁵⁰.

Действительно, для оценки Генесия и Продолжателя Феофана как исторических источников мы должны прежде всего представить себе их методы работы над «общим источником», коль скоро мы вместе с А. Грегуаром постулируем его существование. Выяснить же это возможно лишь путем последовательного сопоставления обоих текстов; это сопоставление тем более необходимо, что в свое время Ф. Гирш уже проделал подобную работу, которая привела его, как мы знаем, к выводу о зависимости Продолжателя Феофана от Генесия. Следовательно, новая концепция может утвердиться лишь в том случае, если удастся опровергнуть наблюдения Ф. Гирша над соотношением обоих авторов.

Такова задача, вытекающая из современного состояния историографии. Мы намереваемся предложить лишь частичное ее решение, остановившись на сопоставлении Генесия преимущественно со второй частью хроники Продолжателя Феофана, возникшей, как известно, в качестве самостоятельного произведения (скорее всего, — Константина Багрянородного).

Сопоставляя сходные места в хрониках обоих авторов, Ф. Гирш пришел к убеждению, что Генесий употребляет более точные термины там, где Константин ведет рассказ в общих и неопределенных выражениях⁵¹. Однако это заключение Гирша представляется необоснованным.

Мы действительно встречаем у Генесия иной раз точные определения. Рассказывая о неудачном походе Адриана на помощь Сиракузам, Генесий замечает, что этот полководец промедлил в гавани 50 дней из-за плохой погоды (Gen., p. 116.21), тогда как Константин просто сообщает, что Адриан, ожидая хорошей погоды, провел в гавани много времени⁵². 50 дней непогоды — это настолько «точное» определение, что оно может только вызвать подозрения. Еще более сомнительным является указание Генесия на то, что однажды Адриан «в первом часу» (Gen., p. 117.14) отправился услышать о предсказаниях, которые были даны неким «демоном», — эта точность византийского историка, писавшего почти сто лет спустя после событий, к тому же, как он сам говорит, по рассказам и слухам, не вызывает доверия. Совершенно фантастической является, наконец, «точность» Генесия в рассказе о том, что арабы захватили весь запад (*ἑσπέρα πάσα*), в том числе

⁵⁰ Ср. G. Ostrogorsky. *History...*, p. 187; Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, Bd. I, S. 318. [К сожалению, Д. Моравчик говорит в одном случае (стр. 318) о сходстве Генесия с «тремя первыми книгами» Продолжателя Феофана, а в другом (стр. 541) — с «пятью первыми книгами»; правильно, на наш взгляд, последнее]. А. Диллер справедливо считает, что соотношение между обеими хрониками до сих пор еще не выяснено (A. Diller. *Excerpts from Strabo...*, p. 242). Однако сравнительно недавно Ф. Баришич вернулся к точке зрения Ф. Гирша, утверждая, что Продолжатель Феофана в основном почерпнул свой материал из Генесия, хотя и использовал некоторые иные источники, в том числе и те, на которые опирался сам Генесий (F. Barišić. *Génésios et le Continuateur de Theophane. Byz.*, XXVIII, 1958, p. 122 sq.). Однако Ф. Баришич основывался в своих выводах не на текстологическом сравнении обоих авторов, а на общих соображениях; в частности, он считал, что Продолжатель Феофана враждебнее настроен к предшественникам Василия I, нежели Генесий (*ibid.*, p. 121); даже то обстоятельство, что рассказ Продолжателя Феофана о правлении Льва V и Феофила более строен, нежели соответствующие части книги Генесия, служит Ф. Баришичу аргументом в пользу того, что Продолжатель Феофана перерабатывал «Книгу царей» (*ibid.*, p. 126).

⁵¹ F. Hirsch. *Op.*, cit., S. 229.

⁵² Th. C., p., 310.7.

многочисленные города Сицилии и Лонгивардии (около 150), кроме одного Галериана⁵³. Таким образом, «точность» Генесия не может не вызвать подозрений и оборачивается не в его пользу.

В то же время мы находим ряд параллельных мест, в которых Константин употребляет более точные термины, чем Генесий, при этом со знанием дела. Так, Генесий рассказывает, что император Василий проводил свободное время в «секрете» (Gen., p. 126.7); «Жизнеописание Василия» употребляет технический термин — геникон (Th. C., p. 260.15). Когда они рассказывают об одних и тех же людях, Генесий подчас называет только их имена, Константин же не забывает и титулы⁵⁴. Поэтому наблюдение за точностью терминологии не может дать нам каких-то положительных заключений — и во всяком случае аргументов в пользу теории о зависимости Константина от Генесия⁵⁵.

Для того чтобы решить вопрос о взаимоотношении этих двух памятников, необходимо рассмотреть их, сравнивая главу за главой.

Генесий начинает с краткой родословной Василия, производя его от Арсакидов и Александра Македонского (Gen., p. 107.14—18). Следующая фраза: «Родился от родителей небезызвестных» (Gen., p. 107.19) звучит поэтому несколько неожиданно, в лучшем случае как тавтология, и заставляет предполагать пропуск у Генесия сравнительно с его источником. И действительно, чрезвычайно подробная генеалогия в «Жизнеописании Василия» начинается с фразы: «Он вел свой род от армянских Арсакидов» (Th. C., p. 212.20), а завершается словами: «Вот от сколь великих родителей произошел Василий» (Th. C., p. 216.4—5); между этими фразами — несколько страниц, опущенных, по-видимому, Генесием.

Далее, Константин, рассказывая о воспитании Василия, употребляет вычурный историко-мифологический образ: «Сын воспитывался отцом, имея в нем наставника в поступках и речах, воспитателя и учителя всяческой добродетели, и потому не нуждаясь ни в получеловеке Хироне, как Ахилл, ни в Ликурге-законодателе, ни в Солоне, ни в пребывании в чужих странах» (Th. C., p. 220.1—6). Генесий, сокращая изложение, придает этой фразе обратный смысл: «В детстве воспитывался ими (т. е. родителями. — А. К.), как некий Ахилл кентавром Хироном» (Gen., p. 107.20). Обе эти фразы не могут быть независимыми; при этом слова

⁵³ Gen., p. 115.23—116.2. Локализация Галериана затруднительна. Дж. Бьюри (J. Bury. The treatise..., p. 550) обратил внимание на сходство этого пассажа Генесия с соответствующим рассказом трактата Константина Багрянородного «О фемах»; упоминание о Галериане, отсутствующее в трактате, он считал почерпнутым от самого Константина VII, а Галериан отождествлял с Гарильяно, арабской крепостью на р. Лирис. Однако отождествление Дж. Бьюри сомнительно, так как Галериан Генесия — византийский город времен Василия I, тогда как Гарильяно (mons Garelitanum. Liudgrand von Gremoa. Die Werke. Hannover—Leipzig, 1915, S. 57 f.) являлся опорным пунктом арабских войск, построенным при Льве VI. Ср. еще замок Galeria, расположенный, однако, близ Рима (Liber pontificalis, éd. par L. Duchesne, t. II. Paris, 1892, p. 334 sq., 358).

⁵⁴ Gen., p. 110.1—3; Th. C., p. 229.1—10.

⁵⁵ В отличие от этого, в первых книгах Генесия мы действительно не один раз находим точные термины, которых нет в соответствующих местах хроники Продолжателя Феофана. Так, Генесий называет Феодота спафарокандидатом, сыном патрикия Михаила (Gen., p. 11.3—5); всех этих данных нет у Продолжателя Феофана (Th. C., p. 22.11—12); только Генесий называет Арсавира патриkiem и квестором (Gen., p. 21.8—9. Ср. Th. C., p. 35.7); ἀχροατὰ Генесия (Gen., p. 20.4) соответствует описательное выражение ἀτακτοῦσαι Продолжателя Феофана (Th. C., p. 34.8); только Генесий упоминает Магнаврский σελλέντιον (Gen., p. 51.2). Генесий именует Омортага κ(ύρι)ς (Gen., p. 41.17), тогда как у Продолжателя Феофана употреблен термин βασιλεὺς (Th. C., p. 64.20) — титул, впервые принятый Симеоном и, следовательно, являющийся в данном контексте анахронизмом. Не могло ли это чтение быть результатом палеографической ошибки, возникшей из-за сходства минускульных κ и β?

Константина звучат естественнее, и мы скорее можем допустить, что именно они ближе к первоначальному тексту, нежели признать их переработкой не очень вразумительной фразы Генесия, сравнившего фракийских землевладельцев с Хироном.

В описании детства Василия Генесий чрезвычайно близок к Константину, но, переходя к истории Василия при Михаиле III, он использует и кое-какие особые источники. Так, повествуя о появлении Василия в Константинополе, Константин сообщает, что его дед был встречен игуменом монастыря св. Диомида, видевшим чудесный сон, предвещавший грядущее воцарение Василия (Th. С., р. 223.14—224.13), Генесий же утверждает, что это был «некий монах, а по мнению некоторых, сам игумен» (Gen., р. 108.24). Кого мы должны разуметь под «некоторыми»? Если бы Генесий писал на основе современных свидетельств, то он вполне мог иметь в виду противоречивые слухи; однако со времени прихода Василия в столицу прошло, видимо, чуть меньше ста лет, и противоречивость Генесия гораздо лучше объяснялась бы наличием противоречивой писаной традиции. Византийские хронисты, рассказывая о столь давних событиях, опирались обычно на писанные памятники, рабски копируя свои образцы и лишь кое в чем отступая от них, — эта особенность хронографии отчетливо наблюдается в истории текста хроники Симеона Логофета. Если согласиться с подобным предположением, то в этой фразе мы могли бы видеть намек на «Жизнеописание Василия». Впрочем, возможно и другое решение: фраза о монахе могла принадлежать «общему источнику»; Генесий мог сохранить ее, тогда как Продолжатель Феофана подверг ее известной переработке, освободившись от одной из версий.

Иначе, чем Константин, повествует Генесий о победе Василия над борцом-профессионалом, расходится он с Константином и в трактовке убийства Михаила 24 сентября 867 г. У Генесия оно изображено как личное дело Василия, хотя он и воздержался от непосредственного участия в действиях заговорщиков. По словам Генесия, Михаил зло подшутил над Василием, и эта шутка послужила причиной начавшегося разлада. Друзья сообщили Василию, что Михаил готовится расправиться с ним, и убеждали убить императора. Когда он отверг их предложение, они сами убили Михаила, «чтобы не погибнуть вместе с Василием» (Gen., р. 112.1—113.10).

Это место Генесия, бесспорно, значительно достоверней, чем приукрашенный, апологетический рассказ Константина, перечисляющего пороки Михаила, которые якобы вызвали недовольство знати и синклита и привели к убийству императора (Th. С., р. 254.15—255.5). У Константина этот акт приобретает характер возмездия за разврат, причем Василий изображается к нему не причастным.

Обращаясь к источникам, далеким от официальной версии апологетов основателя Македонской династии, и прежде всего к агиографическим памятникам, мы находим там еще более последовательное, чем у Генесия, обвинение Василия в расправе с Михаилом III. Согласно краткой заметке «Жития Феодора», Михаил в возрасте 29 лет был убит Василием во дворце св. Маманта⁵⁶. Подтверждая это известие, «Житие Ирины» добавляет, что Михаил погиб пьяным⁵⁷. Григорий, автор «Жития Василия Нового», заставил Василия перед смертью увидеть убитого им Михаила⁵⁸. В «Жи-

⁵⁶ *Analecta byzantino-russica*, р. 15.11—13. Это свидетельство не учтено Ж. Луйе в сводке агиографических данных по истории IX в. (см. A. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I. Bruxelles, 1935, р. 434).

⁵⁷ *AASS Juli*, t. VI (см. ВHG, t. II, № 952), р. 616. F.

⁵⁸ С. Г. Вилинский. Житие св. Василия в русской литературе. «Зап. Ист.-филол. ф-та Новоросс. ун-та», вып. 7, 1911, стр. 285.1—5. Ср. поздний ва-

тии Марии Новой» также сказано, что Василий убил Михаила⁵⁹. В отличие от этого, Никита Пафлагон, автор «Жития Игнатия», враждебно относившийся к ставленнику Михаила III Фотию, не называет Василия I убийцей своего предшественника⁶⁰. Точно так же автор «Жития Евариста», принадлежавший к числу противников Фотия, не говорит об убийстве Михаила: он сообщает лишь, что император умер и ему наследовал Василий⁶¹.

Рассказом о смерти Михаила III и ограничивается оригинальность Генесия в соответствующей части. Далее он останавливается на трех эпизодах: 1) войны на Востоке, причем речь идет преимущественно о гибели Хресохира, вождя павликиан; 2) итальянская кампания, причем речь идет главным образом о наказании беглецов из войска Насара, и 3) сиракузская экспедиция Адриана, причем речь идет почти исключительно о предсказании демоном падения Сиракуз. Во всех этих рассказах почти ничего исторически достоверного нет.

Разберем прежде всего два последних эпизода, которые имеются и у Константина. Генесий сообщает, что сарацины из Африки постоянно тревожили византийские владения (Gen., p. 115.22). Против арабского флота были посланы полководцы Насар и Прокопий (Gen., p. 116.4). Сообщив эти краткие сведения, Генесий подробно останавливается на этимологии слов Италия и Лонгивардия⁶². Затем он переходит к сиракузской экспедиции, но сосредоточивает свое внимание не на военных действиях, а на тех предсказаниях, которые получил от демона полководец Адриан (Gen., p. 116.19—118.3). После этого Генесий еще раз повторяет уже рассказанное, повествуя о том, что африканские арабы послали 60 кораблей против Кефалинии и Закинфа и что против них был отправлен полководец Насар (Gen., p. 118.8—15).

Далее мы находим у Генесия историю о том, как из войска Насара бежало большинство стратиотов (οἱ πλείστοι στρατιωτῶν. — Gen., p. 118.16). Узнав об этом, император отдал грозный приказ казнить беглецов, а сам тайно распорядился, чтобы вместо беглецов 30 пленных агарян подверглось бичеванию на ипподроме — как предупреждение всем остальным (Gen., p. 118.21—119.11).

После этого следует заметка о том, что Насар одержал победу (Gen., p. 120.4—6), а вслед затем — о разграблении ромеями Сицилии и Африки, а также и Лонгивардии (Gen., p. 120.8—9).

Рассказ Генесия полон несообразностей. Конечно, Насара покинуло большинство стратиотов, иначе нельзя было бы требовать их казни. Гораздо более правдоподобно известие Константина о том, что бежало «немалое число гребцов» (Th. C., p. 302.13). Далее, Константин передает, что император приказал подвергнуть наказанию содержащихся в тюрьме преступников (Th. C., p. 303.2), а не пленных агарян — послед-

риант жития (там же, стр. 144.38—39). Составители справочника по византийской агиографии (ВНГ, т. I, № 264b) ошибочно объединяют обе версии. Легенду о видении Василия I см. еще у Лиутпранда (Liudprand von Cremona. Op. cit., S. 9).

⁵⁹ AASS Novem., t. IV (см. ВНГ, т. II, № 1164), p. 692. С. А. Фохт, не используя ни известия Генесия, ни данных агиографии, следовал за версией Продолжателя Феофана в описании переворота 24 сентября (см. А. Vogt. Vasile Ier... p. 46).

⁶⁰ PG, t. 105 (см. ВНГ, т. I, № 817), col. 540.A.

⁶¹ AV, vol. 41, 1923 (см. ВНГ, т. III, № 2153), p. 308.37—309.1.

⁶² Gen., p. 116.5—15. Эта этимология частично восходит к античным образцам, частично же принадлежит, как полагает А. Диллер (A. Diller. Excerpts from Strabo... p. 247), нашему автору или, быть может, кому-то из его современников.

них было бы, вероятно, нетрудно отличить от византийских стратиотов, так что мероприятие императора теряло бы всякий смысл.

В «Жизнеописании Василия» нет раздвоения похода Насара на запад, нет в нем и фантастического разграбления Африки. Константин сообщает, что Насар одержал над сарацинами ночную победу, действуя из Мефоны, т. е. близ берегов Пелопоннеса (Th. С., р. 304.7—15), затем отправился к берегам Сицилии и Панорму и в т о р и ч н о разбил арабов у острова Стили (Th. С., р. 305.8—9). Пешее войско, посланное в Италию, возглавлял протовестиарий Прокопий, который вскоре был убит, преданный одним из его помощников — Львом Апостипом (Th. С., 306.5—8). После этого ромей взяли Тарент (Th. С., р. 306.12—13). Одно это уже вызывает сомнительность утверждения Ф. Гирша, будто бы Константин заимствовал у Генесия этот эпизод «почти целиком»⁶³.

Вторая победа Насара и сухопутный поход в Италию — не измышления Продолжателя Феофана. Если известие Кембриджской хроники о победе греков над сарацинами в 879/80 г. (до 1 сентября 880 г.) несколько неопределенно (название места победы византийцев по-разному читается в разных списках)⁶⁴, то сообщение папы Иоанна VIII в послании Карлу Лысому от 30 октября 880 г. явно относится к в т о р о й победе Насара, ибо папа говорит о победе, одержанной греками «в море Исмаилитов» (in mari Hismahelitarum)⁶⁵, что не может быть отнесено к мефонскому сражению. Следовательно, послание папы подтверждает известие «Жизнеописания Василия», отсутствующее у Генесия. О походе Насара к Панорму и о его победе (локализуемой близ Регия) знает также «Житие Илии Младшего»⁶⁶.

Что же касается похода Прокопия в Италию и его смерти в результате предательства Апостипа, то об этом рассказывается в хронике Симеона Логофета⁶⁷, а итальянская хроника Лупа Протоспафария сообщает, что арабы оставили Тарент в 880 г.⁶⁸

Итак, Константин оказывается более осведомленным о походе Насара, и нет совершенно никакой нужды выводить его рассказ об этих событиях из фантастического и путаного повествования Генесия. Наоборот, весьма вероятно, что Генесий превратил две победы Насара в два самостоятельных похода.

Переходим к анализу известий о походе на Восток. Рассказ Генесия об этих событиях признается достоверным, А. А. Васильев отдает ему предпочтение перед «Жизнеописанием Василия»⁶⁹. Однако рассмотрение этого известия Генесия не позволяет, как нам кажется, согласиться с таким выводом.

Генесий начинает с того, что предшественники Василия не придавали должного значения военным делам, поэтому исмаилиты смогли совершить поход до Малагин (Gen., р. 114.15—19). Василий же направил против арабов стратилата Андрея, который с помощью «западных скифов» одержал большую победу и был награжден чином доместика схол и магистра (Gen., р. 115.1—10).

⁶³ F. Hirsch. Op. cit., p. 261.

⁶⁴ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II. Приложение, стр. 70. См. анализ этого места в свете известий арабских историков — там же, ч. II, стр. 77, прим. 1. Ср. J. Gay. L'Italie méridionale et l'empire Byzantin. Paris, 1904., p. 111 sq.

⁶⁵ MGH, Epp., t. VII, pars I, p. 233 (Ph. Jaffé. Regesta pontificum romanorum, t. I. Lipsiae, 1885, № 3327).

⁶⁶ AASS Aug., t. III (см. BHG, t. I, № 580), p. 494.D.

⁶⁷ «Хронограф Георгия Амартола», изд. Э. Муральт. СПб., 1859, стр. 761.15—22.

⁶⁸ MGH, SS, t. V, p. 53.

⁶⁹ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 34, прим. 1.

Этот рассказ об Андрее почти в тех же самых словах содержится во второй редакции хроники Логофета (ватиканский Георгий)⁷⁰, которая сразу же после этого переходит к рассказу о вожде павликиан Хрисохире, о его набеге до Никеи и Никомидии и поражении от ромеев. Рассказ о Хрисохире мы находим и у Генесия, который сообщает, что начальник схол (καθηγητῶν τῶν σχολῶν. — Gen., p. 122.17; ср. p. 125.5—6), т. е. Андрей, встретился с Хрисохиром у Вафириака и разбил его, после чего вождь павликиан обратился в бегство и был убит Пуладом и Диаконицей. Однако у Генесия рассказ о разгроме Хрисохира «начальником схол» (опять-таки неточный термин!) оторван от рассказа об Андрее и его победе над исмаилитами.

Анализируя оба рассказа об Андрее, мы можем сделать следующее заключение: Генесий не мог заимствовать этот рассказ из ватиканского Георгия, так как текст последнего возник не раньше, чем при Никифоре Фоке (963—969)⁷¹, тогда как «Книга царей» была закончена при императоре Константине VII. Иначе говоря, она была написана до составления второй редакции хроники Логофета.

Однако и вторая редакция хроники Логофета не может опираться на «Книгу царей» — иначе нам пришлось бы допустить, что расчлененный у Генесия рассказ об Андрее превратился под пером составителя этой редакции вновь в единое целое. Более естественно было бы допустить, что Генесий и ватиканский Георгий взяли рассказ об Андрее из третьего источника, который мы условно можем назвать «Повестью о стратилате Андрее». Эта повесть, не дошедшая до нас, должна была уже существовать в середине X в.; она возникла на основе преданий об исторических событиях (победа Андрея на Востоке) и, может быть, под влиянием легенды о мученичестве св. Андрея-стратилата, пострадавшего в Киликии при императоре Максимиане, — легенды, в которой рассказывалось о победах Андрея на Востоке над персами⁷².

Возможно, что эта повесть об Андрее была известна и автору «Жизнеописания Василия», который, однако, рассказывает о победе Андрея несколько иначе. «У же прошли годы (ἤδη δὲ τοῖς οἰχομένοις χρόνοις) с тех пор, как отцвела и совсем погибла Тефрика, — начинает Константин свой рассказ об Андрее, как бы полемизируя с теми, кто приписывал Андрею победу над павликианами, — и начала расцветать и увеличиваться сила тарситов, и они вновь стали теснить крайние пределы ромеев» (Th. C., p. 284.6—9). Тогда против них выступил Андрей-скиф, который нанес им поражение и многих взял в плен. За свою победу он получил звание патрикия и командование сколами (Th. C., p. 284.14—15). Далее Константин рассказывает, что Андрей был смещен и заменен Стипиотом, который вскоре после того потерпел поражение (Th. C., p. 286 sq.).

Версия Константина находит подтверждение и в других источниках. Хроника Логофета в конце книги, посвященной Василию, рассказывает, что Андрей, domestик схол, был обвинен сторонником Фотия Сантваринном и замещен Стипиотом. Последний потерпел поражение под Тарсом, и Андрей вновь был назначен domestиком⁷³. Табари, который был почти современником событий, сообщает, что в сентябре 883 г. в Багдад дошли сведения о набеге патрикия Андрея на Тарс, закончившемся грандиозной

⁷⁰ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пг., 1922, стр. 19.10—16.

⁷¹ См. А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 131.

⁷² ВHG, t. I, № 118—119. Ср. еще краткую версию: Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae, ed. H. Delehaeye. Bruxelles, 1902, p. 909.

⁷³ «Хронограф Георгия Амартола», стр. 764.8—13.

победой мусульман ⁷⁴. Таким образом, все наши источники связывают поход Андрея с борьбой против арабов Тарса. Победу Андрея над арабами, которую Генесий относит к началу правления Василия I, на самом деле следует отнести к концу.

В середину рассказа об Андрее, как уже было сказано выше, Генесий вставляет ряд эпизодов. Он начинает с краткого рассказа о победе императора над павликианами Тефрики и о его походе в Сирию (Gen., р. 115.13—21). Этот рассказ очень близок к «Жизнеописанию Василия» (§ 37—40), но содержит значительные сокращения. Внезапно повествование о Тефрике прерывается уже известным нам изложением событий на Западе, после чего Генесий вновь возвращается к Тефрике. Генесий говорит, что Василий один и другой раз выступал против павликиан (Gen., р. 120.21). И снова Генесий, как в повествовании о Насаре, повторяется, опять начиная рассказывать о первом походе (Gen., р. 120.22). После первого (неудачного?) похода, рассказывает затем Генесий, Василий вторично направляется против Тефрики и овладевает городом, так как сопротивление защитников павликианской столицы было ослаблено после землетрясения (Gen., р. 121.6—14). Сообщение о двух походах на Тефрику подтверждается и другими источниками. Враждебная Василию хроника Логофета прямо говорит о поражении, которое император потерпел в первом походе, и о том, как впоследствии он послал против павликиан своего зятя Христофора, который одержал большую победу и разрушил Тефрику до основания ⁷⁵. Но Генесий не удовлетворяется упоминанием о двух походах. Уже после сообщения о взятии Тефрики он возвращается к повести об Андрее и приводит ее конец, т. е. рассказ о походе Хресохира до Анкиры и о его разгроме domestikом. Эти события он отделяет от падения Тефрики двумя годами (Gen., р. 122.14).

Чтобы уяснить, насколько запутан и противоречив рассказ Генесия о павликианских войнах, мы должны восстановить действительный ход событий.

Император Василий сделался единоличным правителем 24 сентября 867 г. Первое время он был занят переговорами с восставшим друнгарием флота Никитой Орифой, после примирения с которым Василий «пошел на врагов, оставив Орифе город» ⁷⁶. Это был первый поход на павликиан, который А. А. Васильев относит к 871 г., полагая, что ему предшествовало посольство Петра Сицилийского в Тефрику в 870 г. ⁷⁷ Однако против этой датировки могут быть высказаны некоторые возражения: действительно, уже из приведенной фразы Продолжателя Вофана следует, что поход имел место сразу же после примирения Василия с восставшим друнгарием флота. Кроме того, известно, что в начале правления Василия I патрикий Никита Орифа был послан на помощь осажденному арабами

⁷⁴ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II. Приложения, стр. 9. По видимому, Табари смешал Стипиота с Андреем и приписал последнему поражение, которое в действительности потерпел Стипиот (см. А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 82, прим. 3). Первый поход Андрея на Тарс А. А. Васильев (указ. соч., стр. 70, прим. 3) относит к 878 г.

⁷⁵ «Хронограф Георгия Амартола», стр. 755.6—756.3; Th. S., р. 690.6—13 (в версии Псевдо-Симеона речь идет о разрушении Африки — вместо Тефрики).

⁷⁶ Это известие имеется только во второй и третьей редакциях хроники Логофета (В. М. Истрин. Указ. соч., т. II, стр. 17.29—30; Th. S., р. 687.14—15), но отсутствует в первой (см. «Хронограф Георгия Амартола», стр. 752).

⁷⁷ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 30, прим. 1. Ср. К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения в Византии в IX в. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 4, 1956, стр. 265; L. Bréhier. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, р. 132. А. Фохт относит первый поход против павликиан то к весне 871 г. (A. Vogt. Basile Ier..., р. 322), то к весне 870 г. (ibid., р. 323).

Дубровнику⁷⁸; после этого византийский флот во главе с Орифой был направлен в Италию, чтобы поддержать Людовика II, осаждавшего Бари. Гинкмар сообщал под 869 г., что франки (уже в мае?) ожидали прибытия более чем двухсот византийских кораблей (MGH, SS, vol. I, p. 481); далее он писал, что посланный Василием I флот, насчитывавший 400 судов, возглавлял патрикий (MGH, SS, vol. I, p. 485); имя этого патрикия — Никита — засвидетельствовано письмом Людовика II, включенным в Салернскую хронику (MGH, SS, vol. III, p. 525).

Итак, отплытие Орифы из Константинополя относится, скорее всего, к 868 г. Остается выяснить, сколько времени он пробыл вне византийской столицы.

Константин, упомянув, что патрикий Никита Орифа был послан в Дубровник (Th. C., p. 293.2—3), подчеркивает несколько ниже, что император Василий I не считал целесообразным отправлять в Италию другие отряды (Th. C., p. 293.7—8) и потому приказал направиться к Бари этим же войскам, т. е. войскам Орифы, подкрепленным далматинскими славянами (Th. C., p. 293.13—16). «Когда все собрались и составили большое войско, Бари вскоре был взят; в этом деле ромейский наварх превосходил всех умом и мужеством» (Th. C., p. 293.17—19). Таким образом, согласно «Жизнеописанию Василия», Никита участвовал в осаде Бари. Этот город был взят 2 февраля 871 г.

Однако в Салернской хронике командующий византийскими кораблями, посланными к Бари, назван патриkiem Георгием (MGH, SS, vol. III, p. 521); это место написано, скорее всего, на основе письма Людовика II, также включенного в Салернскую хронику, где византийский адмирал именуется стратигом Георгием (MGH, SS, vol. III, p. 527: оба места совпадают почти буквально). Ж. Гэй, отдавая предпочтение латинскому источнику, пришел к выводу, что после экспедиции 869 г. Никита отошел к Коринфскому заливу⁷⁹; в таком случае стратига Георгия можно считать одним из его подчиненных. Но даже если Никита и не участвовал во взятии Бари в феврале 871 г., он оставался и после этого события в западных водах Византийской империи, успешно действуя против критских арабов⁸⁰.

Если мы учтем, что Табари относит смерть Хрисохира и разгром Тефрики к 871/2 г.⁸¹, то первый поход против павликиан нам придется отнести ко времени до отплытия Никиты Орифы в Дубровник, т. е. к первому году правления Василия I. А так как «Жизнеописание Василия» отмечает, что ромей двинулись в поход весной (Th. C., p. 266.14), мы получаем дату похода — весна 868 г.

Этот поход был безрезультатным. По-видимому, после него и произошли те события, которые отмечены в «Повести о стратилате Андрее»: Хрисохир вторгся в Византию до Nikei и Никоидии, превратил в конюшню храм Иоанна Богослова и дерзко отверг мирные предложения императора. Уже позднее Василий послал против Хрисохира войско во главе

⁷⁸ Th. C., p. 290.7—12. Ср. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Budapest, 1949, p. 126.97—98. Об отправке византийской помощи Дубровнику упоминает и дубровницкий историк XVII—XVIII вв. Ю. Растич (G. Resti. Chroniche di Ragusa. Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, vol. XXV, 1893, p. 23), который, однако, смешивает Никиту Орифу с Никифором Фокой (см. А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 15, прим. 1).

⁷⁹ См. J. Gay. Op. cit., p. 89; A. Vogt. Basile Ier..., p. 319.

⁸⁰ Th. C., p. 300.1; 14. См. J. Gay. Op. cit., p. 101; ср. также R. Guillaud. Etudes de titulature et de prosopographie byzantine. Les chefs de la marine byzantine BZ, Bd. 44, 1951, S. 215. К сожалению, Р. Гийан не ставит вопроса о хронологии военных действий Орифы в Италии.

⁸¹ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II. Приложения, стр. 6.

с Христофором, которое разгромило Теффрику в 871/872 г. (дата устанавливается по Табари). О третьем походе (со стратилатом Андреем во главе) ни один источник, кроме Генесия, не сообщает.

Таким образом, Генесий, включив в рассказ о павликианских войнах повесть об Андрее, лишь спутал ход событий: рассказ о победе Андрея над арабами был перенесен в начало правления Василия I, а число походов против Теффрики возросло до трех.

В самом конце «Книги царей» Генесий дает характеристику Василия как человека и политического деятеля, бегло излагая «общепользные дела» императора и упоминая о его любви к бедным. Подробнее он останавливается на страсти императора к охоте и к физическим упражнениям. Генесий сообщает здесь о победе Василия над атлетом-болгариним (Gen., р. 127.15—16), но уже Ф. Гирш показал, что в этом эпизоде Генесий повторяет рассказ, помещенный им в самом начале истории Василия, в повествовании о появлении будущего императора в Константинополе⁸².

Мы сопоставили известия Генесия о царствовании Василия I с «Жизнеописанием Василия», принадлежащим, скорее всего, перу Константина Багрянородного и включенным в состав сборника, условно называемого хроникой Продолжателя Феофана. Мы вынуждены отвергнуть традиционное представление, развитое всего последовательнее Ф. Гиршем, будто Генесий явился первым историком, рассказавшим об этих событиях и использованным впоследствии автором «Жизнеописания Василия»: из неясного, путаного и противоречивого повествования Генесия не могли бы родиться соответствующие разделы хроники Продолжателя Феофана. О независимости обеих хроник, разумеется, не приходится говорить; следовательно, мы должны либо допустить существование общего источника, плохо понятого и искаженного Генесием, либо же предположить, что Генесий пользовался материалами Константина, так сказать, черновым вариантом «Жизнеописания Василия», к чему он присоединил известия, почерпнутые из повести о стратилате Андрее, рассказ об убийстве Михаила III, легенду о борьбе Василия с болгарским атлетом, другой вариант предания о монахе (не игумене) монастыря св. Диомида и некоторые второстепенные детали.

Как историк Генесий совершенно беспомощен. В «Книге царей» много повторений. Отдельные части механически соединены, а некоторые эпизоды столь же механически подверглись разобщению. Такое обилие повторений и механическое разобщение цельных эпизодов вряд ли соответствуют традиционному представлению о Генесии как об авторе, писавшем на основании устных свидетельств, — это скорее могло быть присуще неопытному компилятору⁸³.

Существенные события почти не нашли отображения в «Книге царей» — внимание Генесия привлекали анекдоты, чудесные истории, этимология географических названий. Личность автора, его пристрастие, любовь и ненависть не чувствуются при описании событий, не связанных единством идей. Генесий — один из наиболее беспомощных византийских хронистов.

Но если мы можем допустить, что Генесий в соответствующей части восходит к «Жизнеописанию Василия» или к общему источнику, переданному им искаженно, то возникает вопрос о соотношении «Книги царей» с первой частью хроники Продолжателя Феофана. Мы не ставим своей целью детальный анализ соответствующих разделов обеих хроник, но хо-

⁸² F. Hirsch. Op. cit., p. 168.

⁸³ О методе Генесия в сравнении с Продолжателем Феофана и с Феофаном см. F. Varišić. Génésios. . . , p. 124 sq., 133.

тим указать на некоторые параллельные места, соотношение которых было бы вполне понятным, если допустить, что Продолжатель Феофана сохранил лучшую версию общего источника, нежели Генесий⁸⁴.

Дж. Бьюри в работе, опубликованной еще в 1892 г., обратил внимание на противоречивость известий Генесия и других источников о жизни Фомы Славянина. Эта противоречивость объясняется, по мнению Дж. Бьюри, тем, что Продолжатель Феофана и Генесий писали, основываясь на письменных источниках (ἐξ ἐγγράφων τινων. — Th. С., р. 50.19); автор этого общего источника не знал имени патрикия, в подчинении которого в юности находился Фома; не знал этого имени и Продолжатель Феофана. Только Генесий ошибочно назвал имя этого патрикия — Вардан. «Мы пошли бы чересчур далеко, если бы приписали самому Генесию эту идентификацию; он мог почерпнуть ее из какого-нибудь народного предания, где, как это нередко бывает в народных преданиях, оказались смешанными различные персонажи»⁸⁵. Нам кажется, однако, что и эта гипотеза не является необходимой, и мы можем найти ближе источник идентификации Генесия, нежели в народной легенде, существование которой еще нужно доказать.

Дж. Бьюри, по нашему мнению, не обратил достаточного внимания на вторую версию рассказа Продолжателя Феофана о юности Фомы Славянина, хотя сам он подчеркнул существование в хронике двух версий⁸⁶.

Согласно одной из этих версий (εἰς καὶ πρῶτος λόγος), Фома был бедняком, который поселился в Константинополе и вступил под покровительство (κολληθεῖς) некоего синклитика; затем он бежал к агарянам (Th. С., р. 50.18—51.6). В другой (ἄτερος) версии рассказывается о том, что Фома был близок к знатному вельможе Вардану (Th. С., р. 52.8—9). В отличие от этого, Генесий приводит в соответствующем месте только одну версию — однако эта версия образовалась из механического соединения обеих версий Продолжателя Феофана: Генесий рассказывает, что Фома, переселившийся в Константинополь, вступил здесь под покровительство (κολληθεῖς) патрикия Вардана (Gen., р. 35.10—11). Таким образом, можно предположить, что Генесий не пользовался никакими противоречивыми преданиями, но, упрощая сложное повествование Продолжателя Феофана (или общего источника), объединил обе версии о происхождении Фомы⁸⁷.

⁸⁴ Уже давно было указано на неточность отдельных положений Генесия в разделах до воцарения Василия I. См., например, А. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I. Bruxelles, 1935, p. 104, n. 4; E. Stein. *Post-consulat et autocratoría*, p. 899, n. 2. Особенно существен в этой связи анализ, проделанный А. Грегуаром, преданий о полководцах Мануиле и Феофобе, — преданий, послуживших, как он полагает, материалом для «общего источника» Генесия и Продолжателя Феофана. См. Н. Grégoire. *Manuel et Théophobe*, p. 203; А. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I, p. 413 sq. О Феофобе-Насре см. еще З. М. Буниятов. *Бабек и Византия*. «Доклады АН Азерб. ССР», т. 15, 1959, № 3, стр. 613 сл.; А. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I, p. 400 sq.

⁸⁵ J. В. Вury. *The identity of Thomas the Slavonian*. BZ, Bd. 1, 1892, p. 59. О начале деятельности Фомы Славянина см. также Е. Э. Липшиц. *Очерки истории византийского общества и культуры*. VIII—первая половина IX века. М.—Л., 1961, стр. 217 и сл.

⁸⁶ J. В. Вury. *The identity...*, p. 58.

⁸⁷ Дж. Бьюри в цитированной выше работе предположил, что Генесий передает и вторую версию о юности Фомы, содержащуюся в книге, посвященной Льву V Армянину. Однако в действительности мы встречаем там лишь несколько упоминаний об армянине Фоме с Газурского озера (Gen., р. 8.14—16; ср. Th. С., р. 7.3—4), находившемся в услужении патрикия Вардана и принимавшем участие в мятеже Вардана (Gen., р. 10.13—14) в 803 г., а позднее, после воцарения Льва V, назначенного турмархом федератов (Gen., р. 12.13—14).

В другом месте оба памятника повествуют о том, что император Феофил, вступив в 829 г. на престол, предал смерти тех синклитиков, которые помогли его отцу свергнуть Льва V. Продолжатель Феофана четко аргументирует это решение Феофила, указывая, что император боялся заговора и решил уничтожить «тех, кто путем заговора передал его отцу царскую власть» (Th. С., р. 85.5—6). Только после этого он переходит к рассказу о созыве синклитиков в Магнавру и о том, как заговорщики были преданы на суд эпарха.

В отличие от этого Генесий ограничивается описанием хода событий, пренебрегая объяснением их. По его словам, Феофил созвал синклит и обещал выдать награды участникам заговора против Льва V. Они называли себя, однако он арестовал их и передал в руки эпарха (Gen., р. 51.1—52.3).

Отсутствие объяснения делает все это событие совершенно непонятным: естественно должен возникнуть вопрос, почему же Феофил подверг наказанию со товарищей своего отца, которым он только что обещал награды. Разрешение этого недоумения мы находим лишь у Продолжателя Феофана, объясняющего — худо ли, хорошо ли — этот поступок императора; поэтому приходится допустить возможность того, что весь этот эпизод был заимствован Генесием. При этом Генесий, для которого вообщем характерен механический подход к источникам, пренебрег объяснением поведения императора Феофила, что, как мы видим, сделало рассказ непонятным.

Сравнивая описание сражения при Анци 22 июля 838 г.⁸⁸ в обоих памятниках, мы можем не только видеть, что версия Продолжателя Феофана более подробна, нежели версия Генесия, но и догадываться, что скорее Генесий передает сокращенный рассказ своего источника, нежели Продолжатель Феофан — расширенную версию. Так, Генесий рассказывает, что полководец Мануил услышал, как «персидские» воины, находившиеся на византийской службе, приносили клятву на «сарацинском» языке (Gen., р. 69.1—2), и предупредил императора о готовящейся измене «персов». Рассказ Генесия явно не полон, ибо то, что слышал, по его сообщению, Мануил, еще не свидетельствовало об измене «персов»; Генесий не говорит о содержании клятвы. В отличие от этого, у Продолжателя

Единственное, что позволяет сблизить Фому Газурского с Фомой Славянином, это пророчество, будто Фома возмутится против Михаила II и будет предан им смерти (Gen., р. 9.14—15; ср. Th. С., р. 8.6—7). Вместе с тем уже М. Райкович убедительно показал, что известие Генесия о Фоме Газурском, который был армянином, противоречит его же собственному рассказу о мятежнике Фоме, которого Генесий называет скифом, отмечая, что он по своему происхождению отличался от Льва V Армянина (М. Райковић. О пореклу Тома, вође устанка 821—823 г. ЗРВИ, књ. 2, 1953, стр. 35). Не следует ли в этой связи вернуться к предположению Дж. Финлея, что обе версии относятся к разным лицам? См. G. Finlay. A history of Greece, vol. II. Oxford, 1877, p. 130, n. 2. Иное решение этой проблемы было предложено недавно Ф. Баришичем. По его мнению, известия хронистов о Вардане в первой и второй книгах связаны между собой, восходят к одному солидному источнику и составляют «первую версию» известий о Фоме Славянине; напротив, рассказ о бегстве Фомы к арабам и прочие известия, содержащиеся также в послании Михаила II Людовичу Благочестивому и некоторых других памятниках, составляют, по Ф. Баришичу, «вторую версию», которую он считает недостоверной (Ф. Баришић. Две верзије. . . , стр. 148 сл.). Однако теория Ф. Баришича не объясняет ни противоречия, указанного М. Райковичем, ни отмеченного нами (на основе текстологического анализа) объединения Генесием обеих версий Продолжателя Феофана. К тому же сомнительно, чтобы официальная версия в современном источнике (послании Михаила II) настолько далеко отходила от фактов, как это представляется югославскому историку.

⁸⁸ Об этой битве см. А. А. Васильев. Византия и арабы [ч. I]. СПб., 1900, стр. 126 сл.

Феофана эпизод изложен ясно и понятно. Мануил слышал, рассказывает Продолжатель Феофана, как «персы» уславливались предать войско ромеев (Th. С., р. 128.15).

Эти примеры показывают, насколько трудно согласуется с фактами концепция Ф. Гирша также и в отношении первых разделов сочинения Генесия. «Книга царей» не служила источником хроники Продолжателя Феофана, но скорее, наоборот, Генесий черпал свои данные из этой хроники или же оба автора пользовались каким-то третьим, не дошедшим до нас источником, причем Продолжатель Феофана оказывается к нему во многих случаях ближе.

Один из наиболее сильных аргументов в пользу первичности сочинения Генесия был выдвинут в 1903 г. К. де Боором и повторен затем в 1940 г. греческим историком И. Пападопулосом, не знавшим, видимо, статьи К. де Боора⁸⁹. Оба исследователя обратили внимание на то, что в хронике Продолжателя Феофана (Th. С., р. 77.16—78.3) рассказывается о Кирилле, епископе Гортинском, погибшем вместе с десятью «славными мучениками» от рук арабов; этот эпизод, по их мнению, дублирует легенду о мученике Кирилле Гортинском, пострадавшем (также с 10 сотоварищами) на Крите в 304 г.⁹⁰ Генесий же, полагает К. де Боор и И. Пападопулос, не совершил этой ошибки, ибо он рассказывает о древнем Кирилле, чья кровь и поныне (μέχρι καὶ δεῦρο — Gen., р. 48.9), по словам некоторых очевидцев, сохраняется и служит благочестивым людям для омовения.

Рассуждения К. де Боора и И. Пападопулоса кажутся, однако, убедительными лишь при априорном допущении, что Продолжатель Феофана имел своим источником «Книгу царей»; однако стоит нам отказаться от этого тезиса, как их вывод перестает быть бесспорным. Действительно, рассказ о епископе гортинском помещен у Генесия среди известий о завоевании Крита арабами; ему предшествует родословная арабских правителей Крита — от Абу Хафса до Ширкуха (Зеркуна?)⁹¹, который был предшественником «нынешнего» правителя Крита (Gen., р. 48.5—6); после рассказа о Кирилле идет фраза: «С тех пор (ἐκ τότε) овладели бы агаряне островами, если бы император Михаил Амориец не старался освободить их» (Gen., р. 48.16—18). Почему бы Генесию пришло на ум включить в таком контексте рассказ о пострадавшем в начале IV в. мученике? В его представлении Кирилл оказывался связанным с арабским завоеванием Крита.

Дублирование старых агиографических сюжетов было свойственно литературе IX—X вв. Мы говорили об этом в связи с повестью о стратилате Андрее (см. выше, стр. 106); А. Грегуар еще ранее подчеркнул влияние агиографической традиции на формирование легенды о Мануиле⁹². Мы могли бы с полным основанием допустить, что известие о реальном гортинском епископе, погибшем во время арабского нашествия на Крит, обросло деталями, заимствованными из предания о древнем Кирилле. Это легендарное известие и послужило источником Продолжателя Феофана.

Мы позволим себе еще раз возвратиться к повести о Феофобе, которая уже была предметом специального исследования А. Грегуара, справед-

⁸⁹ С. de Boor. Ein falscher Bischof. BZ, Bd. 14, 1903, S. 433 f.; J. Παπαδοπούλος. Ὑπάρχει καὶ δεῦτερος ἅγιος Κύριλλος ἐπίσκοπος Γορτύνης. ΕΕΒΕ, t. 16, 1940, σελ. 247 ἐξ.

⁹⁰ ВНГ, t. I, № 467. К. де Боор относил мученичество Кирилла к правлению императора Деция (249—251).

⁹¹ А. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. I, p. 57, n. 1.

⁹² Н. Grégoire. Études sur la neuvième siècle. Byz., VIII, 1933, p. 523; ср. Н. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 184; P. P [eeters]. Bulletin des publications hagiographiques. AB, vol. 52, 1934, p. 146 sq.

ливо предположившего, что оба автора пользовались материалом независимо друг от друга и каждый из них по-своему сокращал оригинал⁹³. Однако мы хотели бы рассмотреть вопрос с иной точки зрения: внимание А. Грегуара было приковано к истории легенды о Феофобе и Мануиле, мы же стремимся выяснить отношение обоих хронистов к их источнику.

Предположение, что оба автора независимо друг от друга использовали рассказ о Феофобе, подтверждается тем фактом, что Генесий и автор хроники Продолжателя Феофана излагают историю Феофоба в различной последовательности. Так, Генесий включает в первую версию рассказ о восстании Бабека (Gen., p. 54.16—19) и только во второй упоминает о включении «персов» в стратиотские каталоги (Gen., p. 57.12—16). В отличие от этого, Продолжатель Феофана связывает оба эти эпизода: во второй его версии мы находим рассказ о том, как приверженцы Бабека были включены в стратиотские каталоги (Th. C., p. 112.8—21). Далее, рассказ Генесия о распределении «персов» по фемам (Gen., p. 59.15—19) приведен в хронике Продолжателя Феофана (Th. C., p. 125.7—11) в совершенно иной связи — после рассказа о попытке провозглашения Феофоба императором (Th. C., 124.17—125.4).

Наконец, мы можем предполагать, что в хронике Продолжателя Феофана рассказ о Феофобе является вставкой. Действительно, этому рассказу предшествует упоминание о набеге агарян: ἐγκειμένων δὲ τῶν Ἀγαρηνῶν καὶ μετὰ πολλῶν μυριάδων τοῦ Ἰβραῆμ κατὰ Ῥωμαίων ἐκστρατεύοντος (Th. C., p. 109.17—18). Далее излагается история Феофоба, после чего автор снова возвращается к набегу агарян и описывает, как император Феофил выступил против них: εἰς πόλεμον κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν ἔξεισι καὶ τοῦ Ἰβραῆμ κατ' ἡμῶν, ὡς εἶρηται, ἐκστρατεύσαντος (Th. C., p. 112.23—24).

Предположение, что Продолжатель Феофана пользовался источником, повествующим о Феофобе, уже после того, как основной текст хроники был написан, подтверждается при анализе рассказа о смерти Феофоба. Этот рассказ помещен в другом месте, в отрыве от рассмотренного нами только что эпизода; он вводится примечательными словами: «[Здесь] время рассказать о делах Феофоба и сделать их всем известными» (Th. C., p. 135.16—17); эти слова уже сами по себе заставляют предполагать вставку. Далее, автор повествует о бегстве Феофоба в Амастриду, о преследовании его Орифой и о казни Феофоба по приказанию императора. Мимходом брошенное замечание показывает, что и в этом случае в основе повествования лежат две версии: «Некоторые, — говорит Продолжатель Феофана, — считают виновником казни Феофоба не императора, а Орифу»⁹⁴.

Весь этот эпизод следует рассматривать как вставку еще и потому, что после рассказа о смерти Феофоба автор повествует о его походе в Авастию (Th. C., p. 137.16); иначе говоря, вставленный эпизод нарушает последовательность событий. Мы можем видеть, что источник, повествующий о судьбе Феофоба, был использован автором хроники Продолжателя Феофана уже после завершения ее текста: рассказ о Феофобе вклинивается в нее как вставка и, может быть, даже как ряд вставок. Зато у Генесия история Феофоба гораздо более тесно связана с рассказом о персидском вспомогательном войске (περσικὸν σύλλογον. — Gen., p. 57.15) и не имеет столь очевидного характера вставки.

По-видимому, уже в середине X в. существовала повесть о происхождении и подвигах Феофоба — крупного полководца при императоре

⁹³ H. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 201 sq.

⁹⁴ Th. C., p. 136.18—19. О противоречивых известиях относительно смерти Феофоба см. H. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 192 sq.

Феофиле. Эта повесть сложилась в двух версиях, незначительно отличавшихся одна от другой. Обе эти версии были использованы независимо друг от друга Продолжателем Феофана и Генесием, при этом в хронику Продолжателя Феофана этот эпизод попал как явная вставка.

Прежде чем сделать окончательные выводы, мы остановимся еще на одном рассказе, включенном как в хронику Продолжателя Феофана, так и в «Книгу царей»: мы имеем в виду рассказ о подвигах другого полководца императора Феофила — Мануила.

Генесий и Продолжатель Феофана рассказывают о подвиге Мануила, спасшего от смерти императора Феофила: Феофил был окружен арабами, но Мануил прорвался в нему и вывел его из окружения. Общие контуры повествования одинаковы в обоих источниках⁹⁵: трижды Мануил прорывается к императору, но тот боится последовать за ним — и только в четвертый раз Мануил угрозой убить императора на месте заставляет его следовать сквозь кольцо врагов. Однако каждый из памятников использует свои образы и термины.

Впрочем, о п о л н о й независимости обеих версий говорить не приходится: хотя и редко, но все же в них встречаются совпадения.

Продолжатель Феофана	Генесий
стр. 116.22—117.1: τὸν βασιλέα πως περικυκλωθέντα	стр. 61.20—21: τοῦ βασιλέως... κυκλωθέντος
стр. 117.3: δορυάλωτον	стр. 62.1: δορυάλωτος
стр. 117.4: τὰς μελίσσας αἰδεῖσθε	стр. 62.4: τὰς μελίσσας αἰδοῦμενοι

Наличие общих терминов и образов (особенно важен третий пример) — при значительном различии обеих версий — позволяет предположить, что в основе их лежал общий текст, по-разному обработанный. Эта догадка подтверждается анализом другого связанного с Мануилом эпизода — рассказа о заговоре против Мануила и его бегстве к арабам. В этом эпизоде мы встречаем больше общих выражений:

Продолжатель Феофана	Генесий
стр. 118.4: φθόνος	стр. 62.17: φθόνου
стр. 118.7: καθοσίωσιν... ἐκ λοιδορίας	стр. 62.19: ἐπιλοιδοροῦσι... καθοσίωσιν
стр. 118.12: ἀποστασίαν τολμᾷ καὶ πρὸς Ἀγαρη- νοὺς μετατίθεται	стр. 62.20—21: τὰ πρὸς ἀποστασίαν ἐπιτετόλμηται καὶ φυγαδεῖα πρὸς Ἀγαρηνοὺς μετα- κίζεται

По-видимому, в этом эпизоде обе версии ближе к своему источнику, чем в предыдущем: скорее всего, рассказ о спасении императора был в первоисточнике богаче образами и эпитетами, нежели суховатое описа-

⁹⁵ Th. C., p. 116 sq; Gen., p. 61 sq. А. Грегуар (H. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 200 sq.) считает рассказ о спасении императора Мануилом дублетом повествования о спасении императора Феофобом.

ние бегства, поэтому в последнем случае авторы пересказа имели меньше возможностей разнообразить изложение. При этом рассказ Генесия о бегстве Мануила более краток, нежели повествование Продолжателя Феофана: Генесий, в частности, опускает эпизод с рабом Мануила, который стал виночерпием императора и затем предупредил полководца о замыслах его врагов (Th. С., р. 118.9—13). Гораздо короче и повествование Генесия о жизни Мануила у арабов, нежели соответствующий рассказ хроники Продолжателя Феофана.

Далее, конец истории Мануила (описание похода в Хорасан, любви арабов к Мануилу, его похода вместе с сыном эмира на Византию и возвращения в Константинополь) в сочинении Генесия (Gen., р. 72.5—73.11) отделен от начала. Это заставляет Генесия повториться, ибо выше он уже упомянул о возвращении Мануила из Сирии (Gen., р. 63.17—18). Разрывая последовательность событий, Генесий оказывается вынужденным вводить рассказ о возвращении Мануила словами: «Мануил, прежде живший в Сирии (τῆ δὲ προτεραίᾳ κατὰ Συρίαν διατρίβων. — Gen., р. 72.5). . .». Наконец, весь этот эпизод (конец истории Мануила) носит в сочинении Генесия черты вставки, поскольку он разрывает на две части рассказ о приглашении франкского войска (см. Gen., р. 71.22—23 и р. 73.12—13).

Итак, мы приходим к заключению, что рассказ о Мануиле в «Книге царей» можно рассматривать как вставку. Наиболее вероятным представляется, что Генесий заимствовал его не непосредственно из хроники, но из общего источника с автором хроники Продолжателя Феофана, ибо изложение Генесия и по плану, и по словарю значительно отличается от повествования Продолжателя Феофана. Словарное сходство, как мы видели, совершенно ничтожно. Таким общим для обоих памятников не дошедшим до нас источником можно условно считать повесть о Мануиле.

Новые подробности относительно Мануила, не известные ни Генесию, ни Продолжателю Феофана, содержит распространенная версия хроники Георгия Монаха⁹⁶. Хроника Георгия Монаха хотя и умалчивает о спасении императора Феофила Мануилом, зато более подробно повествует о бегстве стратилата Мануила, сообщая, что он был оклеветан логофетом дрома Мироном и что протовестиарий Лев защищал его. Рассказ о возвращении Мануила в изложении Георгия Монаха сходен с версией хроники Продолжателя Феофана.

Все это вместе взятое, несмотря на неясность отдельных деталей и возможность противоречивых объяснений, приводит к выводу о существовании повести о Мануиле, использованной (скорее всего, независимо) Генесием и Продолжателем Феофана.

Анализ текста хроники Продолжателя Феофана и «Книги царей» Генесия, который привел А. Грегуара к представлению о существовании повестей о Феофобе и Мануиле, проливает в то же время свет и на соотношение между обоими рассмотренными нами историческими сочинениями. Если в целом Генесий мог пользоваться хроникой Продолжателя Феофана (или во всяком случае общим с нею источником), то повести о Феофобе и Мануиле были, скорее всего, использованы тем и другим автором независимо (равно как в конце «Книги царей» Генесий использовал аналогичную повесть о стратилате Андрее).

Кроме общего источника с Продолжателем Феофана (или самого Продолжателя) и воинских повестей, Генесий использовал еще некоторые

⁹⁶ «Хронограф Георгия Амартола», стр. 705.11—707.13. В краткой версии хроники Георгия Монаха (см. Georgii monachi Chronicon, ed. С. de Boor. Lipsiae, 1904, vol. II, р. 797 sq.) весь этот эпизод отсутствует. Бегство Мануила А. Грегуар склонен относить еще к правлению Михаила II (H. Grégoire. Manuel et Théophobe, р. 198 sq.).

письменные источники; не исключена, например, возможность, что он опирался на «Житие патриарха Игнатия»⁹⁷. Некоторые события описаны Генесием с хорошим знанием дела и более подробно, нежели в хронике Продолжателя Феофана; таково прежде всего описание падения Амория. По-видимому, Генесий использовал в этом случае какой-то хороший источник — подлинный трагизм и скорбь по поводу потери и разграбления Амория еще звучит кое-где в «Книге царей».

Итак, анализ соотношения «Книги царей» с хроникой Продолжателя Феофана подтвердил справедливость предположений А. Грегуара, отвергнутого тезис Ф. Гирша о зависимости первых двух частей хроники Продолжателя Феофана от сочинения Генесия. Коль скоро мы отвергаем тезис Ф. Гирша, то близкое сходство Генесия с хроникой Продолжателя Феофана должно быть объяснено иначе.

Прежде всего, мы могли бы допустить, что Генесий непосредственно пользовался хроникой Продолжателя Феофана. Это предположение, однако, оказывается справедливым лишь для той части обоих сочинений, которая посвящена правлению императора Василия I. В этой части Генесий почти полностью опирается на «Жизнеописание Василия», ограничиваясь лишь незначительными добавлениями (преимущественно из повести о стратилате Андрее и сборника этимологических объяснений); в изложении материала он допускает ряд серьезных погрешностей.

Однако применительно к предшествующим разделам этот тезис наталкивается на существенные трудности: здесь наряду с эпизодами, лучше и яснее переданными Продолжателем Феофана, имеются и такие, которые четче или подробнее изложены Генесием. Чтобы сохранить наш тезис, приходится допускать, что Генесий заново обращался к некоторым источникам (например, к воинским повестям о Мануиле и Феофобе), уже использованным Продолжателем Феофана. Такое допущение возможно, хотя создаваемая в этом случае конструкция оказывается чрезмерно сложной. Еще большую трудность порождает то обстоятельство, что в первых книгах Генесия мы встречаем иной раз более строгую терминологию, чем у Продолжателя Феофана.

Поэтому нам представляется сомнительным предположение, будто вся хроника Генесия восходит к Продолжателю Феофана: мы готовы допустить это для последней части, но не для периода 813—867 гг. Мы могли бы допустить, что эти разделы опирались на какую-то не дошедшую до нас хронику (откуда, в частности, могла происходить также и рассмотренная нами пометка на лейпцигской рукописи о дате рождения Михаила III: известие это было использовано Продолжателем Феофана, но оно отсутствует в тексте Генесия). Опровергнуть это предположение невозможно, однако нам кажется, что подобное допущение уведет нас чересчур далеко. Действительно, следуя такому методу, мы должны будем признать существование общего источника всякий раз при сходстве двух хроник — например, наличие общего источника «Истории» Атталиата и хроники Продолжателя Скилицы или общего источника сочинений Киннама и Никиты Хониата (во всяком случае в части, касающейся царствования Иоанна II Комнина). В совокупности у нас может оказаться слишком много общих источников.

Вот почему мы считаем возможным еще одно решение вопроса. Мы могли бы допустить, что оба автора пользовались при написании истории предшественников Василия I не готовой хроникой, а черновыми заметками и архивными материалами, имевшимися в распоряжении Константина VII и послужившими ему, как известно, для написания трактатов

⁹⁷ F. Hirsch. Op. cit., S. 159 f.

«О фемах» и «Об управлении империей». Разумеется, и это предположение — только одна из возможных гипотез.

В заключение мы могли бы предложить (разумеется, повторяя сделанные выше оговорки) следующую схему соотношения рассмотренных памятников. По-видимому, ранее других было завершено «Жизнеописание Василия», в составлении которого активное участие принимал сам Константин VII; затем два придворных историографа, опираясь либо на черновые заметки, либо на не дошедшую до нас хронику, написали свои сочинения: один из них (Продолжатель Феофана) остановился на перевороте Василия I, другой (Генесий) включил также и историю царствования этого императора, кратко изложив некоторые события на основе «Жизнеописания Василия».

Все это остается пока не более чем предположением. Единственное, чего мы, как нам кажется, достигли, — это реабилитация хроники Продолжателя Феофана (особенно ее второй части — «Жизнеописания Василия»), которая оказывается более достоверным памятником, нежели ее мнимый источник — «Книга царей» анонимного автора, условно называемого Генесием.

Кстати сказать, сопоставление обоих сочинений показывает, сколь условно традиционное разделение византийских авторов на историков и хронистов: оба совершенно однотипных памятника попадали при этом разграничении в разные разряды: Генесий — в число историков, а Продолжатель Феофана — в число хронистов.